

Лекарство от уныния

Быть или не быть – вот в чем вопрос! Эти строки Ксюха хорошо помнила, и они как нельзя лучше подходили к ее сегодняшней ситуации. Вопрос стоял, прямо скажем, ребром. И, похоже, ситуация эта складывалась не в пользу Ксюхи. Не быть, не жить. Что ж... И так долго она прожила на белом свете – уже за 20 перевалило. А ведь всегда жила одним днем. День пережит – и слава Богу!

Но прежде, чем всё решится, ей нужно предпринять три последние попытки, пройти три дороги. Очень важные. Каждая из них могла продлить ее жизнь, а могла приблизить смерть.

Попытка первая

Мимо прошел официант с подносом: запах жареного мяса одурманил, вышиб все мысли из головы, всё тело стало одним пустым тянущим желудком.

Повела носом вслед – но официант кивнул головой: жди! – и скрылся в полумраке уютного зала. Слушай музыку, Ксюха!

Кафе «Березка» находилось в центре города, оформлено было в русском народном стиле, и теплый баритон печально выводил:

Не жалею, не зову, не плачу,

Всё пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым...

Почти все ее детдомовские подружки остались молодыми навсегда – там, на краю города, среди тихих крестов

Почти все ее детдомовские подружки остались молодыми навсегда – там, на краю города, среди тихих крестов. Кто-то умер сам от вина и наркотиков, от ВИЧ-инфекции, кого убили. А у некоторых и могилки нет: пропали, сгинули без вести – ровно никогда и не рождались.

Подружка Ленка, высокая, крепкая, сильная, красивая – жить бы да жить, – умерла. А она, Ксюха, невзрачная, – жива. Пока жива. До Ленки ей далеко, конечно... Вот разве что глаза... Глаза у Ксюхи, говорят, красивые, выразительные. А так – маленькая, худенькая, «задохлик». И училась – так себе.

Ленка хорошо училась, почти отличница. Тянула за собой Ксюху, остальных девчонок. Мечтала о счастливом будущем: свой дом, семья, любимая работа. Путешествовать мечтала. Говорила: «Прорвемся, девчонки! Пусть те, кто нас бросил, локти кусают!» Могла постоять за себя.

Ксюха за себя постоять не могла – задохлик, поэтому при спорах и ссорах сразу уходила, ни с кем не ругалась, не задиралась: так шансы уцелеть увеличивались. Да и по характеру она была необидчивая.

Учиться всех отправили в 3-е училище – на штукатуров-маляров: выбирать не приходилось. Учили их неважно: в основном полы мыть и обои сдирать – бесплатная рабочая сила.

А после училища они с Ленкой оказались на стройке. Счастливое будущее отодвигалось всё дальше, ускользало за неподъемными ведрами цемента и песка, которые замешивались вручную, за ледяными сквозняками пустых окон. Мечты растворялись в сырости холодных стен, мокрых от раствора, пугливо исчезали от мата пьяных мужиков-строителей, от грязной, задубевшей спецодежды, стоящей вертикально при раздевании.

Покрасочные работы по технике безопасности нельзя выполнять в одиночку, и красили вдвоем. Ленка всегда красила больше, потому что Ксюха не справлялась, в полуобморочном состоянии выползала отдышаться. Мужики ухмылялись: «Хорошая, девки, у вас работа: краску и растворитель можно задаром и без палева нюхать! Вон одна уже готова!»

Жили в общежитии, как в детдоме: твоя только койка, и то, когда придешь, на ней может сидеть кто угодно. Рядом на кровати соседка – все руки в шрамах от попыток суицида. В туалет выйти страшно: в коридорах пьяные разборки.

К Ксюхе на стройке почти не приставали: слишком мала и худа, чумазый заморыш. А вот рослую Ленку всё пытались напоить, угостить сигаретой, облапать. Смеялись: «Строители не пьют, они греются!» А потом Ленку изнасиловали, и она очень изменилась.

Стала соглашаться погреться. Потом всё понеслось со страшной скоростью, и мечты детдомовской отличницы были глубоко похоронены под литрами дешевого портвейна, а затем – года не прошло – умерла Ленка: паленая водка.

Ксюха не пила, не курила – жить хотелось, она и без вина шаталась от слабости, без сигарет мучилась от постоянной одышки. Одна страсть не обошла стороной – мат. Никак не могла от этой привычки отделаться. Со старшими вроде держится, а начнет что-то рассказывать, увлечется – и сругается.

После смерти Ленки стало понятно: она, Оксана Ганина, следующая

После смерти Ленки стало понятно: она, Оксана Ганина, следующая. Сказала себе: «Так, Ганя, здесь ты не выживешь! Совсем немного осталось – и ласты склеишь! Тебе нужно, где сухо, тепло и сытно! Только кто тебя там ждет?!»

Баритон печалился:

Я теперь скупее стал в желаньях,

Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Кафе «Березка» – вот вождеденное место, это она поняла по запаху. И еще потому, что в двух других

кафе и столовой отказали. Посудомоек хватало – не она одна оказалась такой умной, нос по ветру многие умеют держать. Так что здесь – последний шанс.

Наконец дверь открылась – полная женщина в возрасте, глаза вроде добрые, пригласила в небольшой кабинет. Села дальше работать за компьютер и, мельком окинув взглядом Ксюху, сказала:

– Ну что ж, девушка, представьтесь, расскажите о себе. Документы захватили?

– Ксюха, ой, то есть, Оксана.

– Всегда думала, что Ксюха – это Ксения. Почему Ксюха-то? Так... паспорт... а это что?! Так ты инвалид?! Вторая группа?! Она нерабочая! Ну, не знаю, что с тобой делать... Посудомойка-то нам нужна, у нас в декрет работница ушла... Я главный бухгалтер. Зовут меня Валентина. Директор, Вера Николаевна, в отъезде, без нее не могу... Завтра Вера Николаевна приедет и решим: оформлять или нет... Приходи в двенадцать.

Шла медленно домой – в общежитие. Шелестели клены, в теплом густом воздухе кружился тополиный пух, встречные лениво переговаривались, охлаждались мороженым, отирали пот с разгоряченных лбов. Всё плавилось, расплывалось, таяло.

В общаге шумно, запах пригоревшей каши витает по этажам. Окна раскрыты, горячий воздух колышет занавески, на полу тополиный пух, мягкий, воздушный. Суицидная Светка лежит, закрыв глаза, левая рука на запястье опять перебинтована. Две койки пу-

стые: Татьяна и Катька приходят поздно, чаще всего выпивши.

Ксюха в изнеможении присела на выцветшее, когда-то голубое покрывало. Жару и холод она переносила очень плохо. И есть в последнее время почти не могла. Есть хочется, а проглотит две ложки – всё стоит комом в желудке, как будто теленка съела.

Только прилегла – всё поплыло, невесомость, легкость, она совсем легкая, так мало ниточек осталось, мало привязок. Шарик воздушный вот-вот полетит в небо, легкий-легкий.

Не дают взлететь, чей-то навязчивый громкий, слишком громкий голос:

– Ганина! Оксана Ганина! Глухонемая что ли?! К тебе обращаюсь!

Напряглась, возвращаясь в явь. В проеме двери маячила плотная фигура медсестры из кардиодиспансера. Она зачастила в последнее время.

– Тебе, Ганина, сколько времени предлагают лечь на операцию?! Анализы сдать?! Ты почему не являешься?!

Хотела ответить резко, а голосок слабый, как котенок промяукала:

– Ну какая операция-то? Я у вас на учете всю жизнь стою. Вы сами много лет говорили, что поздно операцию делать, риск большой, что в детстве надо было...

– Говорили... Да мало ли что раньше говорили! Время идет, медицина развивается! Тебе бесплатную операцию предлагают, а ты еще кочевряжишься!

Внезапно Светка села на кровати, рукой перебинтованной взмахнула:

– **Вы чего к сироте привязались, а?! Вы думаете, за нее заступиться некому, а?!**

– Вы чего к сироте привязались, а?! Вы думаете, за нее заступиться некому, а?! Никто не потеряет?! Двадцать лет никакой операции, а тут забегали! Ишь! Не слушай их, Ксюшка, они тебя зарежут и на органы пустят!

Вот уж рявкнула так рявкнула, это вам не слабое Ксюхино мяуканье.

Медсестра опешила. Потом набрала в мощную грудь воздуху:

– Чего болтаешь-то, психическая? Детективов читалась?! Санитаров вызвать? Так я вызову!

– Я не болтаю. Думаете, мы тут тупые совсем, да?! Ни разу не слышала, чтобы на бесплатную операцию так

настойчиво приглашали! Если только корысти нет никакой... Не на органы, так, наверное, врач ваш диссертацию пишет! Ксюшка вам – не материал для диссертации! Я всю общагу на уши поставлю, если вы ее зарежете!

И медсестра смутилась, отступила. То ли про диссертацию Светка в точку попала, то ли скандала не хотела. Скукожилась, уменьшилась, испарилась. И опять всё поплыло: небо голубое, легкий шарик, воздушный, ниточка тоненькая...

Попытка вторая

Трясет маршрутку, дорога с окраины неровная. Перестало трясти – значит, миновали окраины, въехали в город. Здание городской администрации белое, величественное, старинное. Колонны толстые, на входе вахтер важный.

- Я записывалась на прием. Жилищный вопрос.
- Второй этаж, кабинет 21.

Ковры толстые, ярко-красные, двери красивые с ручками золотыми.

- Здравствуйте, я Ганина Оксана. Училище отправляло вам письмо на детдомовских с просьбой поставить в очередь на жилье. Как сиротам.

Солидный мужчина в годах, вздыхает тяжело: нет ему покоя от таких, как Ксюха, работать мешают.

Солидный мужчина в годах, вздыхает тяжело: нет ему покоя от таких, как Ксюха, работать мешают:

- Так, сейчас посмотрим, присаживайтесь, пожалуйста. Так... по поводу вашего училища мы вам уже объясняли, что им нужно было письма с уведомлениями отправлять. Не получали мы ваших писем. Сейчас и не разобраться, то ли администрация училища хотела отправить эти письма, но не отправила, либо они на почте потерялись.

- Вы сказали, можно написать новое письмо, заявление. Я к вам в третий раз прихожу. Сначала осенью, потом зимой была. Вы сказали в июле прийти.

- В июле... Новое заявление... Так, сейчас глянем... Знаете, дело в том, что вы опоздали.

- Как это опоздала?

- Очень просто. Вам 23 когда исполнилось? В июне? А закон действует до достижения сиротами 23 лет. Так что – опоздали, простите.

- Но вы же...

- Я не могу упомянуть возраст всех, кто обращается. Вы сами должны законы знать и о себе заботиться.

Привыкли, что в детдоме за вас всё решают! Инфантильные, ленивые!

– И что мне теперь – в общежитии до конца жизни?

– А что?! Я сам в общежитии пять лет жил! Сам себе на квартиру зарабатывал, ни у кого ничего не требовал! Не сидел на шее у государства!

Мужчина потер свою крепкую шею тяжеловеса, лицо налилось кровью. Ксюха подумала: на этой шее три таких, как она, свободно разместятся и еще место останется...

– И что теперь можно сделать?

– **В монастырь иди! Чего скривилась?! Будешь сыта и здорова**

– В монастырь иди! Чего скривилась?! Будешь сыта и здорова. Не сопьешься и по рукам не пойдешь. На свежем воздухе... Или в дом инвалидов иди – у тебя ведь инвалидность.

Вышла из кабинета, особенно не расстроившись. Ее в последнее время вообще мало что расстраивало, будто частью она была уже не здесь, а там, где не волнуют проблемы работы и жилья. Да и не верила она, что дадут ей жилье, никогда не верила. Кому из знакомых дали? Ленке? Два на два квадратных метра – вот и жилье...

Ехала на маршрутке в кафе. Как он сказал – в монастырь?

В монастыре Ксюха жила. Лет в двенадцать. Каникулы в монастыре. Это были очень хорошие каникулы. Запомнился простор, гора, речка, колокольный звон, прохладный храм и сладкий запах ладана. Особенная тишина монастыря – такая высокая-высокая, как будто высоковольтные провода гудят – что-то такое в воздухе, высокое, сильное, доброе, неуловимое обычными органами чувств. Только душа чувствует: высокая тишина. Она не могла объяснить, только чувствовала. Вечерние молитвы, уютный огонек лампадок. Она там даже молилась.

Правда, работать приходилось много: в монастыре не бездельничают. Но тогда Ксюха была еще не такой худой, покрепче была, посноровистей. Сено граблями ворошила, копалась потихоньку. А один раз зачем-то взяла вилы, решила вилами сено бросать. И с размаху воткнула эти вилы себе в ногу, до половины ноги вошли – легко, как нож в масло. Испугалась сильно. Поясом с платья ногу завязала.

А тут конец работе – батюшка позвал кино посмотреть. Фильм о монастыре. Содержание не запомнила: нога сильно болела. Когда все встали, она встать не смогла – нога распухла, не помещалась в тапочке. Батюшка спросил:

– Оксана, почему не встаешь?

– Сейчас...

– Что с тобой?

– Да так, ничего особенного, сейчас пойду.

– Ну-ка показывай ногу!

Посмотрел, ахнул, засуетился.

Обработал рану, потом принес пузырек с душистым маслом, сказал тихо: «Миро от Гроба Господня, на крайний случай берег». Бережно капнул, помазал крестообразно.

Утром заглянул: как нога? Старенький батюшка, седой весь, добрый. Имя, жаль, не запомнила. Подвигала ногой – никакой боли, никакой опухоли.

– Слава Богу! Мы с отцом иеродиаконом всю ночь за тебя молились... Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Да, монастырь – это хорошо. Только не сможет она в монастыре, там работать нужно, а из нее сейчас работница плохая

Да, монастырь – это хорошо, особенно если этот батюшка еще жив...

Только не сможет она в монастыре, там работать нужно, а из нее сейчас работница плохая. А вот в дом инвалидов – это нет. Это лучше сразу к Ленке.

– Центр города. Кто не оплатил – оплачиваем проезд!

Валентина встретила ласково, с улыбкой, повела к директору. В кафе – уютно, прохладно, пахнет вкусно. Мягкий баритон грустил:

Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа. Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда.

Эх, приняли бы сюда, глядишь, Ксюха бы поздоровела, поправилась...

Директор, Вера Николаевна, оказалась милой, обаятельной женщиной лет пятидесяти. Разговаривала по-доброму, расспрашивала заботливо:

– Какое у тебя заболевание?

– Порок сердца. Я работаю! На стройке работала! Могу работать, испытайте меня!

– Подожди, а пенсию по инвалидности ты получаешь? Сколько? Да... С такой пенсией прокормиться трудно

– Подожди, а пенсию по инвалидности ты получаешь? Сколько? Да... С такой пенсией прокормиться трудно. Да ты и не умеешь, наверное, прокармливать... Готовить умеешь?

Ксюха улыбнулась, смутилась. Готовить она не умела – не доводилось. Пельмени отварить – и то не знала как. Чай могла заварить, хлеб порезать, бутерброд сделать. Или молока кружку... Есть захотелось...

– Я так и думала. Ни готовить, ни экономить, ни правильно пенсию расходовать...

Да, эта Вера Николаевна просто насквозь видит... Пенсии действительно не хватало – так, чтобы и на одежду, и на еду. Получалось либо сапоги прохудив-

шиеся поменять, либо на прокорм оставить. Хочешь – ешь, хочешь – одевайся. Одежды у нее особо не было: кроссовки, куртка. Они все так ходили. Платьев никогда не носила. Экономить тоже не умела.

– Пенсию-то не отбирают у тебя?

– Не... Отбирать – не отбирают. Взаймы часто просят.

– Хм... просят... А отдавать – отдают?

Ксюха молчала.

– Что ж, давай попробуй, поработай – посмотрим, что получится...

Вышла из директорского кабинета счастливая. Встала в прорезиненном фартуке к мойке. Счастья хватило ненадолго. Уже через пару часов стало понятно: с работой не справляется. Скорости нет, работает слишком медленно.

Заглянула Вера Николаевна:

– Оставь, домоют. Иди покушай.

Присела рядом, смотрела прищурившись:

– Почему плохо ешь? Как это не можешь больше?! Две ложки съела – и всё?! Детка, у тебя уже отторжение пищи пошло, это очень плохо... Истощение организма... А губы у тебя почему такие синие? Да у тебя и ногти такие же! Это от сердца... Что же делать-то с тобой? Морс хоть допей! А ты – через не могу!

– Возьмите меня, я стараться буду! Если не успею, после смены домою! Хоть ночью!

– Деточка, я тебя взять не могу. У тебя группа нерабочая. Тебе не работать – тебе лечиться нужно. Если с тобой что-то случится – мне отвечать. Меня за тебя могут наказать сильно, понимаешь?

Вера Николаевна поднялась, проводила до дверей, отчего-то долго стояла на улице, смотрела вслед. Ксюха несколько раз оборачивалась, а Вера Николаевна всё стояла и смотрела – как-то задумчиво так смотрела, а о чем она думала – непонятно, может, боялась, что вернется незадачливая претендентка на рабочее место, начнет просить-умолять...

А Ксюха особенно и не расстроилась: с работой, как и с жильем, – облом. Особенно и не надеялась: было бы слишком сказочно, слишком волшебю – получить свою квартиру и работать в «Березке». Мечтать не вредно! Оставалась третья попытка, но на нее совсем уж рассчитывать не приходилось – из области чудес надежда.

Попытка третья

Адрес давно искала. В адресном столе, у директора детдома, у воспитательницы выпрашивала. Свернутая вчетверо бумага лежала под подушкой полгода. Ксюха никак не могла решиться. Теперь, когда шарик так настойчиво стремился ввысь, когда ослабла ниточка, воспользоваться адресом стало проще.

На шумном автовокзале плач детей, женский смех, раскатистые невнятные объявления:

«Рейс ква-ква-тый отправляется с площадки номер ква-ква!»

Сорок минут в душном автобусе, и Ксюха выползла из раскаленного чрева на травку. Село Отрадное. Обретет ли она здесь отраду? Из трех улиц найти Сосновую оказалось нетрудно, дом номер семь выглядел вполне прилично. У дома большой сад. Только заста-

вить себя открыть щеколду у калитки Ксюха никак не могла, мялась, переминалась с ноги на ногу. Из соседнего дома выглянула пожилая женщина в платке:

- Ты к кому, девочка?
- К Ганиной Галине Алексеевне.
- А она кто тебе будет?
- **Ты к кому, девочка?**
- **К Ганиной Галине Алексеевне.**
- **А она кто тебе будет?**
- **Мать.**
- Мать.

Соседка всплеснула руками:

– Пойдем-пойдем, я тебя провожу!
Открыла калитку, потянула Ксюху за собой. Сердце почти не билось, как бы прямо тут лапы не склеить... Чистый коридор, просторная светлая комната, на ярком бархатном ковре два одинаковых толстых смешных белобрысых карапуза лет пяти важно катали машинки. Из соседней комнаты навстречу вышла красивая высокая женщина. Она смотрела на вошедших такими родными, Ксюхиными глазами и улыбалась радостно.

И Ксюха тоже начала улыбаться и уже почти поверила, что всё еще может быть хорошо, что чудеса всё-таки бывают. И она уже представила, как сейчас она скажет то, что проговаривала в мечтах много раз:

– Здравствуй, мама! Я тебя нашла! Мне сказали, что ты отдала меня в детдом девятимесячной из-за моей

болезни. Но я не сержусь на тебя, мам! Эти врачи – они кого хочешь напугать могут! А я – видишь, здорова! Работать могу и обузой не буду! Я подумала, что тебе будет приятно меня увидеть...

И она уже даже открыла рот, чтобы сказать эти сто раз повторенные про себя слова вслух, но дыхания не хватало, и звук не шел из пересохшего горла.

Зачем соседка заговорила, почему не дала продлиться этой минуте предвкушения чуда?

– Галя, смотри, я твою дочку привела, копия твоя, только сильно уменьшенная!

Улыбка медленно сползла с лица красивой женщины. Появился страх, гнев, негодование:

– У меня нет никакой дочки! Нет и никогда не было! Уходите, уходите отсюда! Сейчас муж придет, не хватало его до инфаркта довести вашими фантазиями! Уходите немедленно!

Соседка ступевалась, испарилась, и Ксюха одна вышла на улицу, пошла по дороге не оглядываясь. Зачем мать так улыбалась? Для чего дала надежду, что всё будет хорошо?

Не будет хорошо! Ничего не будет! Пыльная проселочная дорога пустынна, и можно не беспокоиться – никто не увидит плачущую Ксюху. Она присела на корточки, потом опустилась на желтую теплую обочину. Хотелось спрятаться, свернуться в комочек, стать маленькой точкой, улететь отсюда далеко-далеко, не жить, не быть, не чувствовать этой боли.

Почему она ее не любит? Почему? Этих мальчишек – любит, а они такие же белобрысые, как Ксюха, – наверное, это ее родные братики. Вот их – любит, а ее – нет... Может, думает, она совсем больная, неполноценная, обуза? А она не обуза! Могла бы нянчиться с малышами – она любит детей... Могла бы в саду работать, как когда-то в монастыре... Она ведь работала!

И они бы жили так хорошо вместе, по вечерам бы вместе пили чай в той большой красивой комнате под зеленым абажуром. А может, Ксюха научилась бы готовить... Для самой себя готовить неохота, а вот для родных людей – она бы научилась. Испекла бы пирог и сказала так небрежно, типа для нее это пустяк:

– Мам, я тут пирог сварганила с яблоками, угощайся! И места ей много не нужно – она маленькая, какой-нибудь диванчик или раскладушка... И ест она тоже

мало... И пенсия у нее есть... Она бы не была обузой!
Почему она не нужна родной матери?!

Ксюха подняла голову к небу, головка маленькая,
тощая цыплячья шейка:

– Господи, если Ты есть, помоги мне, пожалуйста!
Мне так плохо, Господи, так одиноко! Я совсем ни-
кому не нужна! Утешь меня, Господи, пошли мне
утешение и помощь! Смилуйся и помоги, Господи, я
так устала быть одна и так нуждаюсь в Твоем мило-
сердии...

По небу бежали легкие перистые облака, в вышине
пели птицы, легкий ветерок ласково слизывал горя-
чие капли с лица. Ксюха легла на траву, засмотрелась
ввысь, сердце застучало размеренней, тише, спокой-
ней. По травинке полз муравей, переполз на руку,
задумался, глупый: куда попал? Ксюха осторожно
сдула муравья на травинку, и он поспешно затрусил
дальше. Здесь, в траве, было настоящее царство: му-
равьи, жучки, прилетела синяя стрекоза с прозрач-
ными слюдяными крыльями, застыла неподвижно
на васильке. Ксюха закрыла глаза: теплая земля,
ласковое солнце.

Постепенно слезы высохли, и на душе стало легче. Она не сердится на маму. Прощает ее. Мало ли какие у нее там обстоятельства... Может, она сама страдает... Вот, например, Ксюха от другого отца, а малыши от нынешнего... И этот, нынешний, может, не хочет ничего знать о маминой прошлой жизни... Вот мама и испугалась...

Если б не этот страх, она бы наверняка Ксюху приняла – вон, она даже сначала обрадовалась! А потом вспомнила про мужа. Некоторые мужики такие ревнивые, даже дерутся! Ксюха испугалась за маму и почувствовала себя виноватой: могла ведь как-то предупредить заранее, потихоньку, чтобы маму не подвести, а она, здравствуйте, пожалуйста, как снег на голову, да еще эта соседка бестолковая...

Ксюха почувствовала, как на душе стало еще легче. Она решила помолиться и за маму:

– Господи, помоги моей маме, пусть у нее всё будет хорошо! Чтобы не было у нее никакой неприятности от моего приезда, чтобы муж не узнал и соседка болтливой не оказалась!

А малыши смешные такие – толстые, белобрысые, так важно машинки катают! Ксюха помолилась и за братьев:

– Господи, пошли братикам здоровья, пускай в нашей семье уж только я одна больная буду!
На душе стало совсем хорошо. Ксюха встала. Тихонько пошла назад, в село, к автобусной остановке.

Попыток больше не осталось

Вернулась в общежитие, легла на кровать и приготовилась тихо и спокойно помереть. К Ленке пора. Легкость и невесомость, сладкая дрема, тишина и покой. Тонкие пальцы отпускают тонкую ниточку...
– Оксана! Оксаночка! Ксюшенька!

Да что ж это такое! Помереть спокойно – и то не дадут. Открыла глаза: Вера Николаевна. Запыхавшаяся, прическа элегантная растрепана. Прямо в общежитие пришла – как и нашла только?!

– Оксана, вставай! Ты уж меня прости... Как ты ушла, я всё себе места не находила. Всё думала о тебе. С Валей посоветовались... Мы придумали, Оксана! Мы тебя берем на работу! Оформлять официально не станем, а будешь помогать в меру сил.

Ксюха села на кровати. Думала, что успокоилась после поездки к матери. Оказывается, если сегодня уже

плакал, то второй раз слезы гораздо легче текут. И они потекли, да так сильно, что Ксюха не могла говорить, только всхлипывала судорожно.

Вера Николаевна перепугалась, стала гладить по голове как маленькую:

– Ксюшенька, ты чего?! Успокойся! А у нас, знаешь, такое мороженое вкусное есть, фирменное, «Березка» называется, такой пломбир белый-белый, как березка, с кусочками шоколада, с печеньем! Хочешь, прямо сейчас мороженого? Хочешь? Пойдем-пойдем, не плачь только!

Послесловие. Рассказ Веры Николаевны

Оксана помогает нам в кафе, убирает посуду, помогает официантам во время банкетов. По мере сил. Где живет? А у меня живет. Да. Уже десять лет у меня живет. Я ходила с ней в администрацию, сначала сказали, что помочь нельзя, по закону до 23 лет, а она просрочила. Стала я настаивать, ведь она сирота, своими правами не воспользовалась, должен быть какой-то другой выход. Тогда поставили в общую очередь на жилье для малоимущих. Где-то 150-я она на очереди. Если учесть, что очередь движется по одной квартире в год, то до этой квартиры она просто не доживет.

Впрочем, сейчас это уже неактуально. Как у меня оказалась? Сначала в гости приходила, потом я стала оставлять ее ночевать. Там в общежитии бесконечные пьяные разборки, а она за себя постоять не может.

У меня сын вырос, слава Богу, всё хорошо у него, но живет уже своей жизнью, знаете, мужчины – они более независимые... Внуков пока нет. Муж пьет, живем вместе, но в разных комнатах нашей большой трехкомнатной квартиры – как чужие люди. И так мне в последнее время перед встречей с Ксюшей одиноко было... И вот Господь мне ее послал... На всё ведь воля Божия!

Не мешает ли? Нет, не мешает. Она какая-то такая... ненавязчивая... Характер у нее такой... кроткий... необидчивый... Простая очень, без заднего умысла...

Она у нас поправилась немножко, больше на узника концлагеря не походит. Как у нее вес 40-килограммовую отметку перевалил, она стала себя толстой называть. Только со здоровьем всё равно неважно: часто плохо себя чувствует, давление низкое, пульс слабый, жару и холод не переносит – синее и отключается.

Раньше она могла больше пройти, а сейчас ей хочется столько же пройти, а уже не может. Да и то – слава Богу! Она раньше говорила: «Дожить бы до 30 лет!» Дожила! Сейчас ей хочется еще пожить, говорит: «Вот бы лет пять еще пожить!» Для нее каждый день – подарок от Бога.

Из кардиодиспансера ее тут всё преследовали, на операцию требовали ложиться, а я им говорю: «Откуда вдруг такая настойчивость?! Она у вас много лет стояла на учете!» Свозила ее в Москву на консилиум, профессор посмотрел и сказал мне: «Никакой операции быть не может. В детстве нужно было делать. А сейчас поздно. С операционного стола ей не встать». Я заключение нашим врачам отнесла, так затаились как мыши – больше речи об операции не ведут. Отстали.

Мы с ней вместе везде: в храм, по святым местам. На Вышу ездили, знаете Вышу? Там святитель Феофан Затворник подвизался... По вечерам вместе чай пьем... Разговариваем...

Она изменилась, первое время не доверяла мне. Они там, в детдоме, каждый сам за себя. Не привыкли, когда кто-то о них заботится, внимание проявляет. Настораживаются сразу. А потом оттаяла. Научилась обо мне беспокоиться. Как-то я задержалась поздно, а она меня встречает, не спит – беспокоится.

Раньше – куртка да кроссовки. Они все так одеваются. А теперь ей захотелось платье... У нее сильный сколиоз, но платье мы ей сшили. На мой день рож-

дения... Красавица! Я ей говорю в шутку: «Ты меня затмишь!» Смеется...

Готовить? Нет, не научилась. Пельмени даже не умеет варить. В нашей семье я готовлю.

Очень я к ней привязалась. И она ко мне

Очень я к ней привязалась. И она ко мне. Как-то сидим, чай пьем, она смотрит так внимательно, думает о чем-то, потом и говорит:

– Вера Николаевна! Не бросайте меня, пожалуйста! Пожалуйста, не бросайте меня!

– Что ты! Я тебя никогда не брошу!

Она и сама не понимает, как мне нужна... Как-то раз она уехала к моей сестре погостить, та ее любит, и так мне одиноко стало! Переживала за нее: холодно было на улице, а она холод плохо переносит. Возвращается, я ей говорю: «Знаешь, я теперь без тебя свою жизнь больше не представляю». Она отвечает: «А если я умру?» Я заплакала: «Уж ты не умирай, пожалуйста! Как я без тебя буду?!»

И, знаете, что я думаю? Господь послал не меня ей, а мне – ее... Мне так тяжело и одиноко было, и она меня спасла. Не чужой человек рядом. Родной и близкий. У меня дочери никогда не было... Материнские чувства.

Может, это слишком громко будет сказано – всё-таки я не растила ее, встретила уже взрослой... Но – родная, это точно.

От автора:

Эту историю мне рассказали Оксана и Вера Николаевна, и рассказ их помог мне и моей подруге в унынии, напомнил, что каждый день – дар Божий.

Имена героев этой истории настоящие, поэтому, если сможете, помяните в ваших молитвах о здравии хотя бы один раз Оксану (в крещении Ксения) и Веру. Храни Господь!

Ольга Рожнёва

